

ЮНТА БОЙЦАН

КООРДИНАТЫ
ГРЕХА

Юнита Бойцан
Координаты греха.

«Литнет»

2025

Бойцан Ю.

Координаты греха. / Ю. Бойцан — «Литнет», 2025

Шесть лет назад он исчез, оставив её одну и это закончилось плохо. Арине Рейн пришлось пойти на сделку с совестью и стать невестой его злейшего врага. Теперь она — собственность Артёма Воронина, не имеющая права голоса. Когда Давид вернулся в город, он первым делом пришел к ней, но не чтобы просить прощения, а чтобы доказать — он способен забрать своё: власть, репутацию и её. Но где гарантии того, что выбирая Давида она получит свою жизнь обратно, а не просто передаст ключи от своей клетки в руки другому властному хозяину?

© Бойцан Ю., 2025

© Литнет, 2025

Содержание

Пролог.	5
Глава 1.	8
Глава 2.	12
Глава 3.	16
Глава 4.	22
Глава 5.	26
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Пролог.

Шесть лет назад.

Лето в этом городе всегда сжималось до одной короткой вспышки, и вот оно уже догорало. Над рекой Быстрой, темной веной города, повис воздух, пахнувший влажным, ранним холодом. Арина поднималась по старой, пропахшей пылью лестнице, пальцы скользили по шербатым, холодным перилам. Пять этажей, один за другим, и каждый шаг давался с трудом.

Последний пролёт. Тяжелая техническая дверь на крышу взвыла старой петлей — тот же самый скрипучий, предательский звук, что и в тот вечер, когда они впервые поцеловались здесь, опьянённые не столько элитным вином, которое Давид стащил из родительской коллекции, сколько чувством абсолютной свободы.

Давид уже ждал.

Он сидел на краю парапета, абсолютно безрассудный, его длинные ноги свисали в бездну пятиэтажки. Черная хлопковая футболка, идеально сидящие джинсы. Ветер трепал темные волосы, делая его похожим на дикую, неуправляемую тень. В зубах тлела сигарета — сто первое нарушение её маленького правила. Он быстро, небрежно потушил её о бетон, даже не глядя, и повернул голову.

— Ты опоздала на двадцать три минуты, — выдохнул он.

В его голосе не было упрека, только мягкая, привычная констатация. Он всегда вёл молчаливый отсчет, когда ждал её. Арина нервно облизнула губы, ей хотелось улыбнуться, чтобы скрыть дрожь, но она не смогла.

— Я боялась, что тебя не будет, — ответила Арина.

Она поразилась, как ровно и чуждо прозвучал её собственный голос. Внутри же, под тонкой кожей, всё трепетало, словно бабочки острыми крыльями царапали её с изнанки.

Давид встал, одним плавным, хищным движением. Два шага, и она оказалась в кольце его рук. Он был выше на целую голову, сильный, как молодая сталь. Арина приподнялась на цыпочках и тут же спрятала нос в изгибе его шеи. Запах — сигареты, сложный, явно дорогой парфюм, который он начал носить недавно, и его собственный, теплый, ни с чем не сравнимый аромат, который она знала наизусть.

— Завтра в семь утра, — шепнул он прямо в её волосы, и этот шепот прозвучал громче крика. — Рейс на Лондон. Папа всё решил.

Арина застыла. Она знала. Знала еще месяц назад, когда он пришел к ней бледный, как смерть, и сказал: «Нам нужно поговорить». Но знать умом и ощутить физическую, леденящую тяжесть этих слов — это были разные виды боли.

— Ты можешь отказаться, — сказала она, понимая всю бессмысленность этой лжи.

Он отстранил её, взял её лицо в ладони. Пальцы — твёрдые, тёплые, как нагретый камень. В полумраке крыши его глаза казались абсолютно чёрными, без зрачков, отражающими только её панику.

— Арина. Если я останусь, через неделю меня найдут в багажнике. Или тебя. Ты готова к такому исходу?

Она не смогла ответить. Не могла. Она хотела, чтобы он жил. Жил где угодно, как угодно, но не лежал где-то под бетонной плитой.

— Я вернусь, — пообещал Давид, и последний звук его голоса надломился, как стекло. — Как только смогу. Клянусь.

Он сунул руку в карман джинсов и достал маленькую, обтянутую черным бархатом коробочку. Открыл. На алой подушечке, тонкой цепью обвитый золотой кулон — буква «Д», изящно выгравированная в центре маленькой, раскрывающейся розы.

— Чтобы ты не забыла, как меня зовут, — глухо сказал он.

Глаза Арины наполнились слезами, но она не плакала. Она изо всех сил старалась, держаться, чтобы не ранить его ещё больше.

Давид взял кулон и сам надел его ей на шею. Его пальцы едва заметно дрожали, выдавая спрятанный за твердостью ужас.

— Теперь моя очередь, — прошептала она.

Она вытащила из его заднего кармана кожаный бумажник и вложила внутрь сложенную фотографию: они оба, пьяные и счастливые. Она — в голубом, невесомом платье, он — улыбается так беззаботно, как не улыбнётся больше никогда. На обороте, её неровным, живым почерком было написано только одно предложение:

«Ты мой единственный грех и единственное спасение». Рядом — след от красной помады.

Он прижал её к себе — сильный, отчаянный пресс, от которого стало нечем дышать. Его руки скользнули ниже поясицы, прижимая её бедра к своим так плотно, что Арина задохнулась от внезапной, жгучей тяжести его возбуждения.

Даже сейчас, на краю прощания, его тело требовало её — жадно, безжалостно. Поцелуй был жёстким, на грани боли: зубы, цепляющие нижнюю губу, горячий язык, ищущий и запинающийся. Одна его ладонь запуталась в её волосах, резко запрокидывая голову назад, вторая спустилась ещё ниже, сжимая ягодицу с такой силой, что завтра наверняка останутся следы. Арина ответила ему с той же слепой, собственнической яростью, но вдруг почувствовала, как он вот-вот сорвётся — дыхание его стало прерывистым, бедра инстинктивно двинулись вперёд, ища большего.

Она отстранилась на миг, положив ладони ему на грудь — не отталкивая, а останавливая.

— Нет, — выдохнула она дрожащим голосом, глядя ему в глаза. — Не сейчас. Если ты сделаешь это... Это будет в последний раз. Я так чувствую. А я не смогу жить, зная, что больше никогда не увижу тебя, не прикоснусь к тебе, не почувствую тебя...

Его челюсть сжалась, в чёрных глазах полыхнул огонь — смесь боли и голода. Пальцы его на миг впились сильнее, будто он физически боролся с собой, а потом медленно, с видимым усилием разжались. Он кивнул, тяжело дыша, и прижался лбом к её лбу.

— Я вернусь, — прорычал он хрипло. — Я обещаю. И тогда ничто не помешает мне взять тебя прямо на этой крыше. И в ванной. И в спальне. И в жёны. Слышишь?

— Тогда возвращайся поскорее, хорошо? — прошептала Арина, глотая ком в горле.

— Я люблю тебя, Арина Рейн, — прорычал он ей в губы. — Каждый день помни это. Каждый, мать твою, день.

— Я буду ждать, — ответила она. — Сколько нужно.

Он кивнул. Отстранился, провел большим пальцем по её щеке, стирая одну, горячую, не замеченную ею слезу.

Внизу, у старого тополя, уже ждал черный Mercedes. Фары выключены. Водитель стоял, курил, не поднимая головы.

Давид поцеловал её ещё раз. На этот раз — медленно, как прощание, впечатывая в память вкус её губ. Потом резко развернулся и пошёл к лестнице.

Он не оглянулся. Ни разу.

Арина осталась на крыше одна. В его футболке, в изношенных кедах и с золотой розой на тонкой цепочке. Она смотрела, как черный силуэт машины трогается с места. Только две красные точки габаритов медленно тают в темноте города.

Холодный ветер трепал волосы. Река Быстрая несла свои черные, равнодушные воды под Стрелковым мостом. Арина прошептала в пустоту крыши:

— Я буду ждать. Сколько угодно.

Она не знала, что это «сколько угодно» превратится в шесть лет полного, выжигающего душу ада. И что он всё-таки вернётся.

Но он вернётся совсем не тем, кто уезжал.

Глава 1.

Настоящее время.

Утро ворвалось не только жгучей болью между ног, но и ощущением ледяной пустоты на второй половине кровати. Это было привычное, отвратительное начало дня, неразличимое среди сотен других за те несколько лет, которые Арина прожила с Артёмом Ворониным.

Она открыла глаза, и первое, что увидела, — своё отражение в зеркальном потолке: голую девушку, равнодушно рассматривающую синяки на собственных бёдрах, — чёткие, небрежные следы его пальцев. Его никогда не волновало то, какие следы он оставляет — на её теле, на её душе. На смятых простынях проступали тёмные, почти незаметные пятна, но ей было всё равно: она давно перестала плакать, разучилась чувствовать что-либо, кроме этой тихой, ноющей усталости.

Арина просто встала, словно механически выключив все эмоции, и направилась в душ.

Сначала она стояла под кипятком, доводя кожу до красноты, а затем резко включала ледяной душ, почти до онемения. Это был её единственный способ вернуть себе ощущение контроля. Жёсткая мочалка оставляла на теле красные полосы, и она тёрла себя с ожесточением, словно пыталась смыть не грязь, а чужие, ненавистные прикосновения, словно стирала свою роль в этой проклятой жизни.

Вернувшись в спальню, она увидела это: на прикроватной тумбочке лежала алая бархатная коробка Van Cleef & Arpels. Сверху — короткая записка, написанная почерком, который Арина ненавидела всем нутром:

«Крошка, 23:00. "Ворон". Чёрное платье. Не заставляй меня ждать.

Твой А.»

Арина провела пальцами по золотой розе на своей шее — единственному, что она не снимала никогда. Эта тонкая цепочка, подаренная другим мужчиной, стала словно вросшей в кожу за эти шесть лет, единственным якорем. Снять? Выбросить? Рука не поднималась.

Чёрный бронированный Range Rover нёсся по правому берегу, безжалостно разрезая поток вечернего трафика. В зеркале заднего вида на неё смотрела чужая, холодная женщина, которую Арина давно перестала узнавать. Чтобы хоть как-то занять руки, она крутила золотой кулон так сильно, что металл ощутимо нагревался, сжигая тонкую кожу на шее.

Арина терзала себя мыслями: как так произошло? Как она докатилась до такой жизни, что связалась с таким подонком, как Артём? Да как... Легко и просто. Просто всё в этом мире решали деньги, а у Артёма они были. А значит, и у неё были: чтобы оплатить лечение своей матери, у которой внезапно нашли онкологию; чтобы оплатить обучение младшей сестре Лизе, чтобы, когда она вырастет, ей не пришлось спать с кем-то ради выживания. Вот как это вышло. Точка. И всё же, почему на душе было так гадко?

Клуб «Ворон» встретил красной неоновой птицей, зловеще распростёршей крылья над входом. Охранники мгновенно узнали Воронинский автомобиль и бесшумно распахнули двери.

Внутри стоял приторный, сладкий запах жасмина — фирменная фишка, призванная заглушить то, чем на самом деле был пропитан воздух: дорогой алкоголь, циничные намере-

ния, усталость и похоть. Музыка глухо, тяжёлым басом, была прямо по вискам, не давая сосредоточиться на мыслях. Люди расступались перед ней, как перед кем-то важным, и где-то даже послышался шёпот: «Воронина идёт».

Она подошла к бару и заказала виски без льда. Первый же, обжигающий глоток принёс мимолётное облегчение — короткую анестезию. Второй пошёл по инерции, и так до самого дна. Арина попросила бармена повторить, но, не успев поднести стакан к губам, она почувствовала на себе взгляд.

Он был тяжёлым, ошеломляющим, как внезапный удар под дых, сбивший дыхание и заставивший мир вокруг замолчать. Арина инстинктивно поняла, куда нужно смотреть, и медленно повернула голову направо.

Он стоял у противоположного конца, прислонившись спиной к перилам, абсолютно недвижимый, словно высеченный из тени. Чёрный, идеально скроенный костюм. Рукава белой рубашки были закатаны ровно на два оборота, обнажая сильные предплечья. Этот жест, этот небрежный вызов, она помнила с юности: Давид всегда так делал, когда готовился к схватке.

Лицо его было в тени, но глаза — эти глаза было невозможно не узнать, они прожигали её насквозь. Чёрные. Как остывший уголь.

Он смотрел прямо на неё, без тени улыбки, без удивления — только медленно, почти неуловимо поднял бокал с тёмным напитком — безмолвный, тяжёлый тост, обращённый только к ней.

У Арины тут же перехватило дыхание, стакан дрогнул в руке, и виски плеснуло на барную стойку. Она сделала шаг вперёд, словно отзываясь на призыв, но в тот же миг чья-то лапища, крепкая, напористая, вцепилась ей в локоть.

— Артём Сергеевич ждёт вас в вип-ложе, — прозвучал голос охранника прямо над ухом.

Арина резко вырвалась, обернулась — его уже не было. Давид исчез, и всё вокруг показалось лишь горячечным миражом.

Она поднялась по винтовой лестнице. Каблуки, как молоточки, отбивали нервный, упрямый ритм по металлу.

Охранник открыл дверь вип-ложи, пропустил её и бесшумно закрыл. Комната была пуста, видимо, Артёма снова отвлекли его грязные делишки, в которые Арина не собиралась вникать. Она подошла вплотную к холодному стеклу, за которым внизу бурлила толпа, сотни людей, прожигающих свою жизнь и молодость в стенах этого мерзкого клуба. И где-то там, среди них, снова спрятавшись в тених, был он. Она это чувствовала, она это знала, но она ещё совершенно не знала, как это для неё закончится. Единственное, что ей было очевидно, — что плохо.

Впервые за шесть лет она позволила себе шепнуть в пустоту, которую создала вокруг себя:

— Как же ты опоздал, Давид.

Шесть лет назад.

Ливень хлестал так, что уже через минуту она была мокрой до нитки. Арина стояла, прижавшись к старому, облезлому козырьку архитектурного колледжа, отчаянно пытаясь спрятать папку с чертежами под тонкую куртку.

Белый Porsche с визгом тормознул прямо в огромной луже, которая окатила бордюр. Стекло медленно опустилось.

— Садись, девчонка, а то утонешь, — сказал парень за рулём и улыбнулся так, будто весь мир принадлежал ему по праву, и он, так уж и быть, готов был поделиться.

Арина кивнула, соглашаясь, и спешно села в авто, хотя обычно так не делала. Она знала, что садиться в дорогую машину к незнакомцу — плохая идея, но или потому, что была насквозь мокрая и успела продрогнуть до костей, или потому, что он был красив, как самый желанный грех — она решила, что ничего страшного с ней не случится. В конце концов, белый день на дворе, и десяток студентов точно видели, в какую машину она села.

— Давид Раковиц, — парень протянул ей руку, не отрываясь от дороги. Его хватка была сухой и сильной.

— Арина Рейн, — ответила она и моментально покраснела до корней волос.

— Интересная фамилия. Не местная? — спросил он.

Арина молчала, чувствуя, как её щеки наливаются жаром. Впрочем, гореть начали не только щёки, потому что от этого парня шла невероятная энергетика: смесь силы, уверенности и юношеского задора.

Он включил тёплый обдув и кинул ей с заднего сиденья своё худи — серое, мягкое, из такого плотного кашемира, что Арина сразу поняла: вещь явно дорогая.

— Надень, а то сиськи отморозишь. Жалко будет, — с дерзкой ухмылкой выпалил парень.

Арина замерла, щёки вспыхнули мгновенно. Он правда это сказал? Просто так, в лицо? Она фыркнула — коротко, нервно, больше от неожиданности, — и поспешно надела худи, натянув широкую горловину почти до носа, чтобы скрыть пылающее лицо. Ткань была тёплой, мягкой, и от неё шёл чужой, но неожиданно приятный запах — что-то свежее, с ноткой дорожного одеколona. Она уловила это с лёгким удивлением: пахнет... хорошо. Не как у парней из её двора.

— Ты всегда так... знакомишься? — выдавила она наконец, глядя в окно, чтобы не встречаться с его глазами.

Давид усмехнулся, переключая передачу. В этот момент его рука — якобы случайно — скользнула по её бедру, когда он потянулся за рычагом. Пальцы задержались на долю секунды: тёплые, уверенные. Он убрал руку сразу, но Арина всё равно почувствовала, как внутри что-то дрогнуло — лёгкое, странное тепло, будто от внезапного солнца в холодный день. Она сама не поняла, почему так отреагировала на простое касание.

— Только когда вижу девчонку, которую хочется... увидеть ещё раз, — ответил он спокойно, но с той же хрипотцой в голосе. — И да, Арина Рейн, я не люблю ходить кругами. Привыкай.

Она сжала колени, пытаясь понять, что с ней происходит. *«Это просто потому что я согрелась»*, — подумала она. Но где-то внутри знала, что дело не только в обдуве.

— Куда ехать?

Она назвала адрес своей панельки на левом берегу. Арина отчаянно пыталась сообразить, как ответить на его дерзость, но слова застревали в горле, на моменте вдоха, а мысли путались. Любой подобранный вариант казался глупым. На миг ей даже показалось странным, что её так волнует его возможная реакция, при том что ей не было известно о нём ничего, кроме имени. В итоге, до места назначения они доехали молча.

Он резко затормозил у подъезда.

— Спасибо, — тихо сказала она и потянулась к двери.

— Арина, — его хрипловатый, но уверенный голос остановил её.

В душе она надеялась на это, но последними силами подавила довольную улыбку и обернулась.

— У тебя глаза красивые. Я ещё позвоню.

В кармане его худи, которое она и не попыталась вернуть, тут же завибрировал телефон. На экране новенького смартфона высветилось сообщение:

«Это Давид. Сохрани как “Не дал мне умереть от пневмонии”. Телефон вернёшь при следующей встрече.»

Арина стояла под дождём и улыбалась так широко и невинно, что щёки заболели от напряжения.

В тот день она впервые почувствовала, что начинается что-то большое.

От автора: буду рада любой обратной связи ##. Ставьте звёздочки, оставляйте комментарии, подписывайтесь — это все очень вдохновляет творить для вас ##

Глава 2.

Настоящее время.

Арина всё так же стояла у стекла, ладонь плотно прижата к холодной, плоской поверхности. Это, казалось, был единственный способ удержаться на ногах, единственный физический якорь в мире, который только что начал рушиться.

Внизу клуб пульсировал красным, как огромное, живое и порочное сердце города. Она лихорадочно думала о том, насколько ей хватит сил. О том, что теперь всё станет не просто сложнее, а невыносимо. Шесть лет она убеждала себя, что Давид забыл её, что он не выходит на связь, потому, что она давным-давно стала ему безразлична.

«Подумаешь, первое увлечение. По молодости. Это ведь почти никогда не бывает серьёзно, даже если чувствуется, как единственная любовь всей жизни».

Но всего один его взгляд, один едва заметный жест сегодня уничтожил эту ложь. Он смотрел на неё как на свою собственность, и этот взгляд был не остывшей памятью, а яростным, невысказанным обещанием.

Что теперь делать?

Дверь открылась без стука, нетерпеливо распахнутая мощным рывком. Артём вошёл, как обычно: резко, шумно и внезапно. Он тут же заполнил собой всё пространство ложи, и от его присутствия сразу стало душно и тесно.

Тёмно-синяя рубашка была распахнута глубоко, до середины груди, открывая толстую золотую цепь, которая блестела под софитами. На костяшках правой руки светились свежие, слегка сбитые ссадины — Артём, как всегда, использовал кулаки как самый быстрый аргумент. Арина знала этот почерк не понаслышке. От него пахло резким, дорогим одеколоном, порохом и кровью. Всё как всегда.

— Ты задержалась, крошка, — произнёс он, но голос был на удивление мягким. — Я не люблю, когда ты так делаешь, но ты сегодня такая красивая, такая послушная, надела это платье, как я и просил... не буду на тебя злиться.

Он улыбнулся волчьей, собственнической улыбкой и закрыл дверь ногой, отрезая их от всего мира.

— Ты тоже, — сухо ответила Арина, не поворачиваясь.

Он рассмеялся, низко и грубо, подходя вплотную. Она почувствовала его горячее, тяжёлое дыхание на затылке.

— Также красавчик? Я знаю это, детка. Поэтому при виде меня такие крошки, как ты, растекаются, как чёртово фондю.

— Я сказала, ты тоже опоздал, — повторила Арина одними губами.

— Скучала по мне? — Он положил ладонь ей на талию, прижимая к стеклу.

— Как всегда, — солгала Арина. Она напряглась всем телом, но старалась не показывать этого ярко. Он злился, когда не видел в ней ответной слабости.

Его большой палец скользнул по её нижней губе, почти нежно — пугающая, редкая ласка. Арина невольно вздрогнула.

— Сегодня двое должников решили, что могут не отдавать мои деньги, представляешь? Один уже не дышит, второй в багажнике, молит о пощаде. Деньги любят счёт, Арина. А ты любишь деньги, правда?

Она молчала. Да. Молчала, потому что это было проклятое, ненавистное «да». Но без его денег её мама не получит и шанса на жизнь.

Артём не ждал ответа. Он достал из кармана маленькую чёрную коробочку. Открыл. На подушечке лежало кольцо: платина и огромный чёрный бриллиант размером с ноготь.

— Надень, детка. Хочу, чтобы ты надела его прямо сейчас.

— Артём, мы же это обсуждали...

— Надень, — его голос стал низким и абсолютно беспрекословным. — Я устал ждать, пока ты перестанешь ломаться. Будешь моей женой. Официально. Чтобы все знали, чья ты.

Арина смотрела на кольцо, и внутри всё сжималось от страха.

— Я не готова. Ещё не время...

— Готова ты или нет — мне без разницы. Мама твоя следующую химию получит только после того, как я увижу это кольцо на твоём пальце. Так понятнее?

Он взял её руку и надел кольцо сам. С силой. До боли. Чёрный камень был холодным, как могила, тяжёлым, как её новая участь.

В этот момент дверь снова открылась без стука. Вошёл Кит, один из приближенных Артёма: два метра роста, плечи шире дверного проёма.

— Артём Сергеевич, — голос Кита был низким и спокойным, как и всегда. — Партия с юга пришла. Минус два ящика. Кто-то явно сливает. И ещё... тот, второй, в багажнике, сдох. Похоже, сердце не выдержало или ещё там что. Ну, в общем — как есть.

Арина отвела взгляд. Она знала, что сейчас будет, и ей хотелось исчезнуть, раствориться. Артём даже не повёл бровью.

— Так значит найди, кто сливает! Завтра к вечеру хочу знать фамилии. А тело — в Быструю. К пятому причалу. Пусть рыбы доедают. А вообще, чё я тебе это рассказываю? Ты будто в первый раз! Сделай красиво, Кит, и не напрягай меня сегодня этими мелочами. Сегодня самая красивая женщина этого города сказала мне «да»!

Кит кивнул:

— Понял. Мои поздравления, Артём Сергеевич. — И поспешно вышел.

Арина стояла, как замороженная. Вот так просто. Человек умер, и его место — «в Быструю». Она ненавидела этот город, себя за то, что живёт в нём, и больше всего — Артёма. Уйти было невозможно, и эта ненависть терзала её сильнее всего.

Он повернулся к ней, снова погладил по щеке, большим пальцем очерчивая линию скулы. Это было почти нежно, почти... Но Арина знала, что скрывается за этой нежностью на самом деле — желание обладать. Она была для него очередной целью, которую он хотел получить любым способом. И он получит, как бы ни сопротивлялась этому её душа.

— Видишь, крошка? Это мой мир. И ты в нём. По доброй воле или нет — мне не важно. Но лучше для тебя, чтоб по доброй. Тогда будет не так больно.

Он прижал её к стеклу спиной и поцеловал. Его поцелуи всегда были жёсткими, глубокими, собственническими. Он словно вторгся в неё, пытался поглотить, продавить, сломать. Она не сопротивлялась. Нельзя. Она знала: любое сопротивление вызовет нежелательные последствия.

Отстранившись, он посмотрел сверху вниз, в её глаза.

— Ты красивая, когда боишься. Мне это так нравится.

Арина подавила нервную дрожь.

Артём отступил на несколько шагов, и так же сверля её взглядом произнес слова, от которых внутри Арины снова всё оборвалось.

— Я знаю, что Раковиц вернулся.

Её сердце пропустило удар, грудь сдавило, но на её лице не дрогнул ни один мускул. Нельзя было показывать, что её это волнует, иначе ей точно не сдобровать. Она знала, что Давид для него похлеще красной тряпки для быка.

— Артём... — начала она, но он прервал её взглядом.

— Молчи. Я просто предупреждаю: если я увижу, что ты хоть раз посмотрела в его сторону — ты труп. Сначала мама. Потом Лиза. Потом ты. Поняла?

Она кивнула. Глаза были сухие, но в них плескалась смертельная решимость.

— Я бы и не подумала, Артём. И твои угрозы ни при чём, они здесь лишние. Да, у нас бывают трудности, но я бы никогда так не поступила с тобой. — Арина говорила то, что он хотел слышать, обман, который теперь стал её единственной броней.

— Хм... трудности. Моя ж ты умница! — Он поцеловал её в лоб, как любящий жених. — Вот именно, у нас бывают трудности, но мы их решим, и всё будет хорошо. Я подарю тебе яхту, ты мне — сына. И заживём!

Арина снова посмотрела на чёрный бриллиант на пальце, он был тяжёлым и холодным и, очевидно, стоил целое состояние. То, как он обнимал её палец, чувствовалось, как петля на шее. В голове оставалась одна мысль, за которую она цеплялась, как за спасительную соломинку:

«Это когда-нибудь закончится. Ничто не длится вечно, и это тоже. Когда-то однажды я смогу уйти, но не сейчас. Сейчас нужно качественно играть роль Арины Ворониной, иначе меня найдут где-нибудь у пятого причала с простреленной головой.»

Шесть лет назад.

Дождь лупил по крыше подъезда, как будто хотел ворваться внутрь. Давид затащил её за руку в тёмный угол между этажами, где лампочка давно перегорела. Он встал напротив, тяжело дыша, глядя на неё сверху вниз, и не стесняясь раздевал её глазами. А потом резко прижал её к стене всем своим горячим, мускулистым телом.

— Ты хоть понимаешь, что со мной делаешь, Рейн? — голос низкий, хриплый, с той юношеской дрожью, которая выдаёт, что он на грани. — Я тебя в прошлый раз в машине едва не трахнул. А ты, я смотрю, этого и добиваешься, раз сегодня надела эти узкие джинсы?

Арина замерла, щёки вспыхнули, но она не отвела взгляд — в ней уже просыпался тот же огонь.

— И что же тебя остановило? — выдохнула она, сама удивляясь своей смелости.

Он усмехнулся — коротко, хищно — и шагнул ближе. Одна рука легла ей на бедро, пальцы сразу впились в ткань джинсов, поднимаясь выше, к самому краю. Второй он обхватил её подбородок и властно поднял его вверх, заставляя смотреть прямо в глаза, полные неудержимого желания.

— То, что хочу услышать, как ты сама меня просишь это сделать.

Он наклонился и не поцеловал — сначала провёл губами по её шее, едва касаясь, горячим дыханием обжигая кожу. Потом зубами прикусил мочку уха, тихо рыкнув:

— Скажи это, Арина. Скажи, что ты хочешь быть моей. И я сейчас же покажу, как это будет каждый раз, когда я буду брать тебя.

Она задохнулась — от его слов, от того, как его бедро втиснулось между её ног, прижимая точно туда, где уже всё пульсировало. Пальцы его на бедре скользнули под ремень джинсов, на миг коснувшись кожи живота — ровно настолько, чтобы она выгнулась навстречу.

— Я... твоя, — выдохнула она, голос сорвался.

— Уже? Так быстро? — его дерзкая улыбка вспыхнула на лице, ещё больше разжигая огонь между ними. — Повтори громче.

— Твоя, Давид. Чёрт, твоя.

— Хорошо.

И он впился в её губы — жадно, почти мучительно, с напором, будто ставил печать. Одну руку он запустил ей в волосы, вторая же спустилась ниже, сжимая ягодицу на грани боли. Бёдра его двинулись вперёд — медленно, демонстративно, показывая, как сильно он её хочет.

— С этого момента — навсегда, — прорычал он, отрываясь на миг. — И не вздумай это забыть. Моя. Навсегда.

Она тогда верила каждому слову. Тогда слово «навсегда» звучало как самая торжественная клятва, в которую ей так хотелось верить. Сейчас же она знала, что иногда слова — просто слова.

От автора: спасибо за прочтение, буду рада любой обратной связи, это вдохновляет меня писать ещё и ещё и чаще выкладывать новые главы ##

Глава 3.

Настоящее время.

Артём Воронин, как и предполагалось, тут же исчез в недрах «Ворона». Ему предстояло обсудить с партнёрами вопросы, которые всегда отдавали большими деньгами, кровью и грязью. Оставив её в ложе с холодным стеклом и кольцом-приговором, он дал ей своего рода «увольнительную» от своей компании, о которой она не могла и мечтать.

Арина не стала дожидаться, пока его дискуссия подойдёт к концу. Голова кружилась не столько от виски — она опустошила третий бокал всего на половину, а для неё это количество было пустяковым, по сравнению с тем, как обычно проходили её вечера в компании Воронина. Голова кружилась от всего сразу: от приторного запаха жасмина, который душил её, от ощущения чёрного бриллианта на пальце и от ледяного, уничтожающего взгляда Давида.

Она вышла из клуба, ощущая, как горячий, влажный воздух «Ворона» сталкивается с прохладной сыростью ночи. Только когда её ноги коснулись асфальта, она почувствовала себя чуть твёрже.

Пока она шла к машине, нервно поправляя слишком короткое чёрное платье, в руках уже был телефон. Она набрала Артёма.

— Мне плохо, — сказала она, и голос был тихим, ровным, без единой фальшивой нотки.

— Что значит плохо? — Голос Артёма, сквозь шум басов, был ленивым и слегка раздражённым. Она знала этот тон: он был на грани, и одно неверное слово — и он сорвётся.

— Голова. Резко прям разболелась и ещё и тошнит. Я, пожалуй, поеду домой. Буду тебя там ждать. Приведу себя в порядок, знаешь... Хочу быть готовой для тебя, чтобы продолжить вечер.

В трубке наступило короткое, напряжённое молчание. Она чувствовала, как он взвешивает её слова, решая, стоит ли это уступки. Затем последовал короткий, сухой смешок, лишенный всякого тепла.

— На первый раз прощаю, крошка. Твои цели мне явно по душе. Но завтра без отмазок. Ясно? Будешь сидеть рядом и улыбаться, как и положено моей женщине.

— Да, конечно, спасибо, — ответила она.

— Целую, детка.

— И я тебя целую, Артём.

Он сбросил вызов. Арина бросила телефон на пассажирское сиденье и села в Range Rover. Руки дрожали так, что она не сразу вставила ключ в замок зажигания.

Вместо дома она поехала к реке. К Быстрой.

Она знала, что её не просто так тянет к этому месту: она искала его, искала связь, тонкую ниточку к прошлому. Искала ту себя, которая сидела здесь шесть лет назад — влюблённая, счастливая и ужасно наивная. Она направлялась напрямик к Седьмому причалу — их местам. Не такому людному, как набережная в центре, и не такому опасному, как Пятый, куда Артём отправлял трупы, но достаточно дикое, чтобы побыть наедине.

Там ничего не изменилось. Заброшенный промышленный район. Те же ржавые, исполосованные временем контейнеры, те же разбитые, давно погасшие фонари, тот же тяжёлый, густой запах мазута, смешанный с речной тиной и сыростью. Туман уже начал стелиться над чёрной, безразличной водой, глотая все звуки.

Арина заглушила двигатель. Она потянулась к бардачку и достала сигареты — пачку, которую прятала на чёрный день. Она знала, что это вредная, бессмысленная привычка. Шесть лет она говорила себе, что бросит. Но в такие особенно нервные дни, когда мир сжимался

вокруг неё, словно пытаясь раздавить, как мелкую безвольную букашку, она не могла отказаться от этой маленькой, саморазрушительной слабости.

Она закрыла глаза, шумно вздохнула. Чиркнула зажигалкой: ветер то и дело задувал пламя. Выругалась про себя. С седьмой попытки подожгла. Первая затяжка обожгла горло, дым был горьким, мерзким.

«И как они это делают, те, кто выкуривает по пачке в день? Какая гадость!»

Арина затянулась ещё раз, постояла минуту, глядя на тлеющий огонёк, и, не докурив даже до середины, с отвращением бросила сигарету в лужу.

Она села на холодный, влажный бетонный парапет, свесила ноги вниз, к воде, так же, как когда-то, в юности. Только тогда рядом сидел он, Давид, обнимал её за плечи и шептал: «Когда-нибудь мы отсюда свалим. Куда-нибудь, где нет этого города, где нас никто не найдёт».

Слёзы пришли внезапно. Не громкие, не истеричные, нет... они просто текли по щекам, оставляя за собой горячие мокрые дорожки на холодной коже, и капали на дорогое, итальянское кожаное пальто, которое, конечно же, подарил Артём. Она даже не вытирала их.

— Я не могу больше, — прошептала Арина в туман, в пустоту. — Я так устала. Устала быть сильной, устала лгать, притворяться, терпеть его руки на себе, его губы, его... Да всего его! Невыносимо, но придётся вынести.

Она сняла с пальца кольцо, повертела его в ладони. Платина. Чёрный бриллиант. Он не отражал свет, он его поглощал, как маленькая чёрная дыра, так же, как и Артем поглощал её, втягивал в себя, в эту обеспеченную, но грязную, полную боли и крови, жизнь. У неё возник невероятный, мощный импульс: просто швырнуть его в чёрную воду, навсегда.

Она размахнулась — и тут же остановилась. Нельзя, он не простит.

Она надела кольцо обратно. Чёрный камень охлаждал кожу, и на контрасте золотая роза на цепочке казалась единственным тёплым местом на теле.

Телефон завибрировал. Сообщение от Артёма.

«Дома?»

Арина вытерла лицо тыльной стороной ладони, чувствуя, как влага от слёз смешивается с тушью. Набрала ответ:

«Еду. Стою в пробке, здесь авария. Скучаю».

Отправила. И ещё минуту сидела, глядя на чёрную воду, прежде чем собраться с силами и завести машину.

Частная школа «Альфа» находилась на правом берегу и была самой элитной школой города. Все нефтяные, золотые, газовые и бриллиантовые детки ходили именно в эту школу, потому что аттестат именно из этой школы открывал путь к поступлению в самые приличные университеты. Нет, даже не просто открывал — практически гарантировал успех. Да и сама школа выглядела приятно, она была совсем не похожа на ту школу, в которой когда-то училась сама Арина: идеально подстриженные газоны, белые колонны, охрана с безупречными манерами. Девочки в одинаковой, строгой форме, но с сумками, цена которых превышала годовую зарплату школьного директора, весело сновали туда-сюда, явно обсуждая что-то из своего привилегированного мира, который давали им их обеспеченные родители.

Лиза вышла последней, как всегда. Четырнадцать лет, а ростом уже почти с Арину, глаза — точная копия её собственных, но ещё дерзкие, не сломленные, с наушниками в ушах, с айфоном последней модели — вот ради чего Арина готова была играть свою роль и дальше.

— Привет, — бросила она, не поднимая взгляда, и плюхнулась на переднее сиденье Range Rover'a.

— Пристегнись, — спокойно сказала Арина.

Лиза закатила глаза, но подчинилась.

— Мне на следующей неделе нужно сто восемьдесят тысяч, — с порога объявила она.
— Поездка в Милан с классом. Там все будут.

Арина сжала руль крепче, до побеления костяшек, но уверенно и спокойно ответила:

— Будут тебе деньги.

— Артём даст?

— Конечно даст, — улыбнулась Арина через силу. — Как всегда. У него этих денег много, он с удовольствием поделится.

Лиза посмотрела на неё внимательно, откинув наушник. Взгляд четырнадцатилетней девочки был острым не по годам.

— Ты опять плакала, что ли?

— Пыль в глаза попала, — отмахнулась Арина.

— Ага. Пыль с запахом сигарет. — Лиза понюхала воздух. — Открой окна, воняет здесь. Спалишься же.

— Не учи учёных, не спалюсь.

Лиза протянула ей мятную жевачку.

— Антибактериальный спрей для рук дать? На всякий случай.

— А у тебя откуда? Лиза, если я узнаю, что ты начала травить себя табаком, ты получишь у меня, и никакого Милана не будет!

— Да нет, я у тебя умная, такой фигнёй не страдаю. — Лиза покачала головой. — Всё путём, сестра. А вот у тебя точно не путём.

Арина промолчала, просто не нашлась что ответить. Знать, что Лиза всё видит, — было и мучительно, и немного успокаивающе.

— Я не дура, Ари. Я всё вижу. Ты когда-нибудь уйдёшь от него?

— Лиза... — Арина вздохнула.

— Я серьёзно, — настаивала Лиза. — Я уже не ребёнок. И я не слепая. Я знаю, что он тебе не муж, а спонсор. И что ты его ненавидишь.

Арина остановилась на светофоре и внимательно посмотрела на сестру, её юное, красивое лицо, на котором уже отпечатались тень этого города.

— Пока маме нужна помощь, пока она борется — я никуда не уйду. И ты будешь учиться в этой школе, ездить по заграницам и не думать, где взять деньги на еду. Поняла? Это наша цена.

Лиза отвернулась к окну, молча глядя на дорогие витрины.

— Поняла, — тихо сказала она. — Прости. Я скоро вырасту и тоже смогу приносить деньги. Тогда ты уйдёшь от этого гада?

— Вот вырасти, закончи хорошо школу, выбери хорошую профессию, получи диплом, устройся на престижную, высокооплачиваемую работу, и тогда мы вернёмся к этому вопросу, — улыбнулась Арина.

Хрущёвка на левом берегу.

Пятый этаж без лифта — то ещё испытание. Из-за частых вынужденных тусовок в «Вороне» лёгкие Арины были не в лучшем состоянии, и последние два этажа она преодолевала уже с заметной одышкой. Родной подъезд, как всегда, пах сыростью и безысходностью. Этот запах всегда бил Арину по голове, как молотом, напоминая о прошлом.

Мама открыла дверь — в платке, который она перестала снимать с того дня, когда пришлось сбрить и так сильно выпадающие волосы, в своём старом, выцветшем халате, но глаза её светились чистой, незамутнённой любовью.

— Ариночка! Лизонька! Доченьки мои! — Она обняла их обеих сразу, крепко, как только могла. Её объятия были хрупкими, но сильными.

На кухне пахло борщом и резким, горьким запахом лекарств. Мама поставила чайник, достала сливовое варенье и отлила в старую хрустальную вазочку.

— Какая ты красивая, доченька. Кольцо новое? Подожди, Артём тебе предложение что-ли сделал?? Арина, что же ты молчишь то?! — Мама с восторгом разглядывала бриллиант.

Арина посмотрела на него и улыбнулась, растягивая губы до боли в щеках.

— Да, мам. Артём сделал предложение, и я согласилась. Дату свадьбы ещё пока не назначили, но скоро займёмся этим. Просто ты же знаешь, Артём очень много работает.

— Какие вы молодцы! Наконец-то я этого дождалась! Дожила всё-таки, ну теперь придется и до внуков дожить! И Артём... Какой он заботливый... Всё время звонит мне, спрашивает, как я. Передавай ему огромное спасибо!

Арина кивнула, глотая горький, липкий комок. Ложь душила её. Она чувствовала себя предательницей.

— Скоро снова химия, — мама понизила голос, чтобы Лиза не слышала. — Семьсот двадцать тысяч. Но врачи говорят, что тьфу-тьфу-тьфу, мои показатели лучше. Если не прерывать, есть хороший шанс на выздоровление. Не хочу загадывать, но ты знаешь... Я думаю, всё будет хорошо, да Ариночка? Нужно всегда верить, и всё будет хорошо! Вот Я всегда верила, что ты у меня хорошо устроишься в жизни, что будешь очень счастлива, видишь — так и получилось!

Арина взяла её руку, тонкую, как птичья косточка.

— Не переживай. Всё будет. И деньги будут, и это «хорошо» тоже обязательно будет!

Мама погладила её по щеке.

— Ты ведь правда счастлива с ним, доченька?

— Конечно, мам. Очень, — солгала Арина. Солгал её голос. Солгал взгляд. Но мама хотела в это верить, поэтому не заметила, да и Арина давно уже стала отличной актрисой.

Выходя из подъезда, Арина невольно остановилась и посмотрела на стену у первого этажа. Там, где когда-то Давид прижимал её своим горячим телом к холодному кирпичу, где он целовал её до дрожи в коленях, где звучало так много обещаний, которым не суждено было исполниться...

Она закрыла глаза на секунду, впуская в себя воспоминание, и тут же прогнала картинку прочь.

«Не сейчас. У меня нет права на это.»

Пентхаус встретил Арину привычным холодным блеском: идеально вымытые стеклянные стены, яркий свет ламп, отражающийся в мраморном полу, и аккуратные линии мебели, расставленной так безукоризненно, будто каждый предмет проходил персональный отбор. Здесь всё было на месте, всё выглядело дорого, продуманно и абсолютно бесстрастно — идеальный порядок, от которого не шло ни грамма тепла.

Она вошла, не снимая туфель. Узкие шпильки тихо цокали по мрамору, и этот звук казался единственным живым в этой стерильной роскоши.

И всё бы выглядело почти спокойно, если бы не звук из кабинета Артёма. Его голос разносился по всему пентхаусу, пробивая стены, как горячий воздух из раскалённой печи. Он говорил быстро, резкими фразами, будто отрывая куски от разговора, и Арина сразу поняла — кто-то по ту сторону телефона сегодня попал под раздачу.

Ругательства, глухие удары ладони по столу, металлическая злость в тоне — всё это заполняло пространство, делая воздух липким и грязным.

Она задержалась в прихожей, не торопясь снимать плащ. С каждой секундой в груди нарастало тягучее чувство — знакомое, как хроническая боль, которую давно перестаёшь замечать, но она всё равно живёт в тебе. Артём никогда не повышал голос «просто так». И никогда не остывал быстро. Она тихо подошла поближе, чтобы уловить хотя бы обрывки фраз и понять, к чему ей готовиться.

— Я сказал — ты сделал, ясно?! Раковиц уже два склада мне спалил за неделю. Вы как это допустили? Чем вы там все занимаетесь, черти вас дери! Найдите его людей, вырежьте им языки и пришлите ему в коробке. Пусть знает: в этом городе я решаю, кто дышит, а кто кормит рыб у Пятого причала! И в целом, двигайтесь резче, его самого туда тоже предстоит отправить при первой же возможности.

Сердце Арины колотилось так, что, казалось, оно вот-вот проломит рёбра, и он услышит этот предательский ритм.

Она хотела крикнуть: «Не трогай его!», но вовремя прикусила язык. Нельзя! Нельзя расслабляться, поддаваться эмоциям! Одна, всего лишь одна ошибка — и она потеряет слишком много, да что там много... Всё!

Разговор резко оборвался, и Арина поспешила в спальню, уже зная, что её ждёт.

Артём ворвался в комнату, словно разрушительный ураган. Его глаза были налиты красным, дыхание походило на звериный рык, ярость сделала движения резкими, нечеловеческими. Он захлопнул дверь так, что стекло в шкафу задребезжало.

— Раздевайся, — рявкнул он.

Арина уже знала этот тон. Знала, что спорить нельзя. Знала, что чем быстрее всё закончится — тем лучше для неё.

Она молча стянула через голову платье, но осталась в белье.

Он подошёл вплотную, схватил за волосы у затылка, резко запрокинул голову.

— Глаза опустила? — прошипел он. — Смотри на меня, когда я с тобой разговариваю!

Она подняла взгляд, повинувшись приказу.

— Вот так, крошка. Умница. Знаешь, как надо!

Его пальцы впились в неё, он рывком развернул её спиной к себе и, ухватив за шею, опустил её голову вниз. Она уткнулась лицом в подушку и сжала зубы.

— Скажи, чья ты, — прорычал он. — Произнеси это громко!

Она знала, что нужно говорить:

— Твоя, Артём.

— Ещё громче!

— Твоя.

— Ещё раз. Как будто любишь!

Она закрыла глаза. Голос вышел ровный, без дрожи:

— Я твоя, Артём. Только твоя.

Он зарычал довольный и ускорился.

Арина отключилась от происходящего, как делала это всегда. Слова «твоя» слетели с губ легко, без единой заминки — как и сотни раз до этого.

Когда-то она говорила те же слова Давиду — и они жгли изнутри, как признание в любви, как клятва. Тогда «твоя» значило «навсегда», «всем сердцем», «только с тобой». А теперь? Теперь это просто звук. Пустой, как эхо в заброшенном доме.

Все вокруг врут — Давид врал, обещая вернуться; мама врёт себе, веря в её счастье; Артём врёт, называя это «любовью». Почему она не может врать в ответ? Это даже не ложь в прямом виде. Это выживание.

И совесть даже не шевельнулась. Арина тоже.

Она не сопротивлялась, ей не было ни больно, ни мерзко — ей было никак. Она просто считала толчки.

Раз. Два. Три...

На счёте «двадцать восемь» он кончил с протяжным хрипом, а после спокойно ушёл обратно в кабинет, чтобы продолжить свои дела.

Она спокойно поднялась с кровати, дошла до душа и включила холодную воду. Самую ледяную, какую могла выдержать.

Её глаза поднялись к зеркалу. Она увидела ту женщину, которую ненавидела — за слабость, за то, что позволяет кому бы то ни было так к себе относиться, за то, что не видит другого решения. Но ведь это решение должно где-то быть? И в этот момент, в ледяной воде, к ней пришла окончательная ясность.

«Это должно закончиться как можно скорее. Не знаю как, но пора завязывать. Не хочу больше притворяться. Я хочу чувствовать! Я хочу хотеть. Хочу дрожать от предвкушения, стонать от наслаждения. Хочу жить, а не существовать! Я сама вошла в этот ад и сама смогу выбраться, но я просто больше не могу делать вид, что это хоть сколько-нибудь выносимо.»

Шесть лет назад.

Они лежали на крыше её дома, деля одну сигарету на двоих, а звёзды над головой сияли так ярко, будто крохотные бриллианты под ослепляющим светом софит. Бутылка дешёвого, но вкусного вина была практически пустой.

Давид задумчиво смотрел в чёрное, бездонное небо.

— Папа сказал, что на него готовится покушение, — его голос был неожиданно серьёзным.

Арина повернулась к нему, опираясь на локоть.

— Что?

— Да. Воронин-старший хочет забрать всё — заводы, порты, деньги. Папа говорит, что всё под контролем, но мне так не кажется. Возможно, мне даже придётся уехать на какое-то время.

Она прижалась к нему, пытаясь отогнать дурные мысли теплом своего тела.

— А если я поеду с тобой?

Он засмеялся, но смех был горьким.

— Куда, Рейн? У тебя мама, Лиза, институт. Волноваться не о чём, я же вернусь. Через несколько месяцев. Максимум! Я не могу тебя в это втягивать... Это наше семейное дело, и я, конечно же, хочу видеть тебя частью моей семьи, но не частью этого.

Он поцеловал её в висок, нежно, как прощание.

— Я вернусь к тебе. Обещаю.

Она тогда верила каждому слову, верила в его силу, в его клятвы.

Теперь она знала точно: обещания, сорвавшиеся с уст молодого парня под хмелем и звёздами... ничего не значат.

От автора: как вам глава? Как вам Давид, Артем, сама Арина? Пишите комментарии, ставьте звёздочки! Любая активность это очень приятно и мотивирует писать для вас ещё
##

Глава 4.

Настоящее время.

Холодное, сырое утро. Туман висел так густо, что яркие лучи фар лишь на мгновение вырывали дорогу из молочной пелены, тут же поглощаясь ею обратно.

Арина вела машину, напряжённо щурясь, на грани видимости. В голове, как метроном, отбивалась мысль, от которой зависела её жизнь: «Последняя химия. Семьсот двадцать тысяч. В этот раз должно сработать. Ещё чуть-чуть — и мама выживет».

Непредвиденный, жесткий удар! Резкий скрежет металла прорезал тишину тумана.

Арина инстинктивно вдавила тормоз, но поздно. Инерция бросила её тело вперёд, удушающе натянув ремень, а затем припечатала обратно в сиденье. В голове взорвался нестерпимый колокол. Внутри черепа проснулась пульсирующая, тупая боль, и сознание поплыло, опасно зашатавшись на грани. Она вцепилась в руль, отказываясь провалиться во тьму.

Дверца машины стонала, когда она вытолкнула себя наружу. Холодный, влажный воздух ударил в лицо. Полиция и скорая почему-то были здесь. Слишком быстро. «Чёрт. Всё-таки потеряла сознание... Слишком много времени», — лихорадочно пронеслось в мыслях.

— Девушка, вы в порядке? Присядьте, пожалуйста. Стоять на ногах для вас может быть опасно, — спокойный голос фельдшера осторожно коснулся её слуха. Он попытался усадить её в салон.

— Нет. Я в полном порядке. — Голос Арины был твёрдым, безжизненным. — Что с другим водителем?

— С ним всё в порядке, мы осмотрели. Он сейчас даёт показания полиции, поскольку именно он нарушил правила.

В этот момент подошёл патрульный, предложил заполнить протокол, но голова гудела, а каждое слово отдавалось в ушах болезненным эхом. «Никаких разборок», — холодно решила она.

— Этим займутся мои юристы.

После напряжённого, но короткого диалога патрульный отступил, оставив Арину на уговоры медиков.

— Девушка, вам лучше проехать с нами. Арина Витальевна, правильно? Мы обязаны зафиксировать ваше состояние и провести обследование, — настойчиво произнёс врач, но Арина лишь отрицательно качнула головой.

— Нет, спасибо. Я, правда, чувствую себя нормально.

Она не могла дать ему понять, что это не первый сильный удар и не первая контузия. Это состояние, когда тело — чужое, а мир — ватный, ей было знакомо. Она по собственному, болезненному опыту знала: всё пройдёт. Главное — не терять время.

Вместо этого она мгновенно собралась и перешла на холодный, ледяной тон, не терпящий возражений.

— Дайте мне, пожалуйста, бланк отказа от госпитализации. Я немедленно подпишу. Это снимает с вас всю ответственность, а я гарантирую, что сама обращусь к врачу, если мне станет хуже.

Фельдшер мрачно поджал губы, но всё же нехотя протянул ей бланк. Арина выхватила его и быстро поставила размашистую подпись.

В этот момент она ощутила знакомую, почти физическую, волну холода. Ощущение присутствия. Сильное, давящее, как воспоминание о прошлом, которое вдруг материализовалось в тумане.

Давид вышел из тумана — не шагнул, а будто материализовался из молочной мглы. В идеально скроенном чёрном пальто, руки небрежно в карманах. Его голос был абсурдно спокойным, на грани лени, — опасный штиль после шести лет абсолютного молчания:

— Привет, Рейн. Давно не виделись. Я смотрю, ты такая же упрямая. — Его взгляд, острый, как сталь, впился в её зрачки, словно пытаясь прожечь её маску. Он искал хотя бы намёк на реакцию, но Арина лишь медленно, тяжело выдохнула.

— Здравствуй, — ледяным тоном ответила Арина. Она понимала: если Артём узнает об этой случайной встрече, контузия станет её наименьшей проблемой. Её жених позаботится о последствиях. Она получала гораздо хуже за меньшие провинности.

— Я по чистой случайности стал свидетелем, не думай, что я тебя преследую. Просто проезжал мимо, увидел ДТП, подъезжаю — а здесь ты. Я удивлён не меньше твоего. Впрочем, это не важно. Ты выглядишь ужасно.

— Ну уж спасибо за комплимент! Любезностями обмениваться не будем, я невероятно спешу.

— Да, я вижу, ты спешишь. Но у тебя зрачки разные, а на лбу уже проступает синяк. Я не могу просто бросить тебя, — Давид осёкся, понимая всю абсурдность этой фразы из его уст, и продолжил, твёрдо: — ...в таком состоянии. Я отвезу тебя к своему врачу. Это быстрее, чем очередь в травмпункте. И только тогда я буду спокоен, что тебе ничего не угрожает.

— Спасибо за заботу, но вынуждена отказаться. Давид, мне необходимо идти. — «И как можно быстрее», — отчаянно пронеслось в её мыслях.

Давид сделал шаг, напрягая пространство между ними. Его голос стал низким, жёстким, приказным:

— Это не предложение. Это приказ. Садись в машину и не спорь. Тебе нужна помощь, Рейн. Не глупи. Да, ты всегда была упрямой, но глупой — никогда.

Арина ничего не ответила. Она молча отошла, игнорируя его власть, и оглядела свою машину: небольшая трещина на бампере, разбитая фара, смятое крыло. На ходу, но ездить в таком состоянии опасно и противозаконно. Единственный выход — вызвать эвакуатор.

Не замечая присутствия Давида — точнее, демонстративно делая вид, что его нет, — она отвернулась и набрала номер эвакуационной службы:

— Здравствуйте, мне нужно забрать машину и отвезти в сервис... — она говорила чётко, быстро. — ...полиция всё зафиксировала. Небольшие повреждения, машина на ходу, но всё же... Через сколько? Да, спасибо. — Арина сбросила вызов. Обещали быть через двадцать минут. Давид же не сдвинулся с места.

— Давид, спасибо ещё раз, но теперь я вынуждена ждать эвакуатор все двадцать минут, — произнесла Арина, садясь в своё авто, чтобы отогнать его на обочину, и не мешать движению. — Я думаю, мне стало ещё лучше на воздухе, и я дальше справлюсь сама.

Но Давид, очевидно, не собирался отступать. Он перехватил дверь, прежде чем Арина успела её захлопнуть.

Он наклонился, нависая над ней. Одна рука — на крыше, вторая — на дверце, полностью отрезая ей путь к отступлению. Арина почувствовала себя в абсолютной ловушке, и её пульс начал предательски стучать, как барабан.

— Двадцать минут, говоришь? Отлично. Тогда побеседуем. Ты расскажешь мне, почему тебе так страшно остаться со мной наедине, посреди дороги и тумана, а я, возможно, тоже расскажу что-то интересное. Не спорь, Рейн. Я всё равно не сдвинусь с места. Я, как джентльмен, не могу позволить даме в таком состоянии остаться одной.

— Ты ведь и вправду не отстанешь, да? Так и будешь стоять над душой, пока не добьёшься своего? — Арина произнесла это с показной уверенностью, но тут же к горлу подступила тошнота. Да, удар был гораздо сильнее, чем она готова была признать.

— Да. Буду стоять над душой. И над телом, Рейн, если понадобится.

Его пальцы аккуратно, но крепко взяли Арину под локоть, обеспечивая опору её подкосившимся ногам.

— Всё, Рейн. Хватит играть в сильную. Тошнит? Голова кружится?

Давид открыл пассажирскую дверь своего чёрного Maybach'a, не отпуская её руки. Голос стал мягче, но в нём звенела всё та же сталь.

— Не нервничай. Даю тебе слово, об этом никто не узнает.

Арина согласилась — другого выхода не было. Она опустилась на кресло Maybach'a, и её тут же накрыло волной воспоминаний. Машина другая — дороже, элитнее, просторнее. Но запах! Тот же узнаваемый парфюм, смешанный с запахом его кожи и тела. Этот пьянящий коктейль врзался в неё, отбросив в прошлое, в тот миг, когда она впервые села в его авто девятнадцатилетней студенткой архитектурного, а не невестой криминального авторитета. Арина резко вздрогнула, опомнилась и прогнала воспоминание.

«Да, когда-то я была его девочкой. Но он бросил меня здесь одну. И я выживала как могла», — горечь обожгла ей горло.

В машине было слишком тепло. Арина тут же расстегнула пальто и сняла водительские перчатки. Давид тем временем отогнал её машину на обочину и вернулся, скользя взглядом.

— Может, приоткрыть окно чуть-чуть? — Его взгляд скользнул по ней и резко зацепился за кулон на шее. На секунду лицо Давида приобрело неприкрытый печальный оттенок. Взгляд упал ниже, и Арина физически ощутила, как он сглотнул. Она поняла почему.

«Чёрт, нужно было его спрятать под свитер».

— Ты до сих пор его носишь. Почему? — Хрипота в его голосе была не притворной.

— Честно? Рука не поднимается. Ты преподавал мне хороший урок: не быть наивной дурочкой и не верить обещаниям. Вот, ношу его как напоминание, — Арина солгала с каменным лицом. Но она не хотела признавать, что подвеска-роза до сих пор имела для неё значение. Во-первых, ей не позволяла гордость и обида, а во-вторых, это могло быть опасно. Для них обоих.

Давид медленно выдохнул через нос.

— Урок, значит. Хороший. Я рад, что хоть что-то сделал для тебя полезного. Можно ещё один вопрос, Арин? Только ответь честно, хорошо?

— Задавай, — тихо ответила Арина. Её взгляд смотрел сквозь него, а сердце сжималось от боли, ведь она знала, какой вопрос сейчас прозвучит.

— Почему из всех мужчин в городе ты выбрала именно Артёма Воронина?

— Потому что он мог меня защитить. Обещал ты, а сделал он. Давид, я теперь — Арина Воронина, его невеста и в скором будущем официальная жена. Я думаю, нам не стоит возвращаться к прошлому, даже в мыслях.

— Ты с ним счастлива? — Он посмотрел на неё так пронизательно, что ложь застряла у неё в горле.

Арина просто покачала головой, и одинокая слеза проложила горячий путь по её щеке.

— Я тебя услышал.

Между ними повисла тяжёлая пауза. Арина слышала неистовый стук собственного сердца в ушах. Давид, наконец, прервал молчание.

— Расскажешь, куда ты так спешила? К нему? — спросил он, не отрывая от Арины пронзительного взгляда.

— Нет, не к нему. Я спешила к маме. Мне нужно было срочно отвезти ей деньги. Ей сегодня нужно оплатить очередной курс химиотерапии. Желательно было сделать это до обеда. Но, уже как получится. — Арина говорила быстро, пытаясь скрыть дрожь в голосе.

— Что? В смысле... химия? — голос Давида сломался на последнем слове, он резко подался вперёд.

— Да, у мамы рак. Это выяснилось через полгода, после того как ты... уехал. Но сейчас прогноз хороший, врачи дают надежду, возможно, это будет последний курс. Так что, надеюсь, мы действительно в шаге от решения этой проблемы. — Она выдавила из себя эту информацию, глядя в свои руки.

— Ты знаешь... Я даже не знаю, что сказать. Я рад, что всё уже почти закончилось. Чёрт, никогда не умел реагировать на плохие новости. Арин, как ты справляешься? — его тон стал до странности мягким, почти ласковым.

— Да, я держусь. Я верю, что скоро всё будет в порядке. И делаю для этого абсолютно всё. — Её подбородок чуть дрогнул, но она тут же взяла себя в руки и посмотрела ему прямо в глаза, чтобы убедить.

Эти слова ударили Давида, словно молот по наковальне. Это было очевидно по тому, как изменилось его лицо. Он будто всё понял, всё сложил, но почему-то не решился озвучить догадку вслух. Он просто продолжил.

— А младшая твоя как? — спросил он, делая усилие, чтобы сменить тему.

— Лиза хорошо. Учится. Уже такая взрослая... — ответила Арина с ноткой усталой гордости.

— Это сколько ей? Ей уже пятнадцать, наверное? — уточнил он, словно проверяя свою память о её жизни.

— Пока ещё четырнадцать. День рождения через две недели. — сказала она, снова отводя взгляд.

— А, ну да, точно. Слушай, я что-то совсем... меня оглушила эта новость, не сообразил сразу. Маме ведь деньги нужны срочно? Давай я просто положу нужную сумму на счёт клиники, ну или на её личный... Сколько нужно? — Давид перешёл на деловой, властный тон, явно почувствовав возможность помочь.

— На самом деле это было бы огромной помощью, — почти прошептала Арина, впервые за встречу ощутив огромное облегчение. — Если можешь, на её личный счёт. Я сейчас продиктую. Семьсот двадцать тысяч. Они лежат у меня там, в конверте, в машине. Ты меня невероятно выручишь. Спасибо, — её благодарность была абсолютно искренней, в ней не было ни грамма фальши.

— Да какие вопросы, это меньшее, что я могу для тебя сделать, — Давид коротко кивнул, прерывая её слова, чтобы не дать ей продолжить извинения. Он достал телефон и без малейшего промедления отправил нужную сумму.

В этот момент Арина увидела, что эвакуатор наконец-то прибыл на место.

От автора: как вам эта глава? Любая обратная связь от вас — очень ценна и очень мотивирует продолжать творить, поэтому, пожалуйста, ставьте звёздочки на главы, на книгу, пишите комментариш, становитесь подписчиком, добавляйте книгу в библиотеку, чтобы не пропустить новые главы ##.

Глава 5.

Настоящее время.
Арина вышл

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.